

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-228-265>

УДК 821.111

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Ирина КАБАНОВА

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ПУТЕВАЯ ПРОЗА 1930-х гг. О СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация: Статья открывается обзором исторических и идеологических причин, обусловивших после 1917 г. и особенно после Великой депрессии 1928 г. беспрецедентный рост западного интереса к Советской России. Материалом служит путевая проза, имевшая в тридцатые годы большой спрос по обе стороны Атлантики. Тридцатые годы — десятилетие расцвета жанра путешествий в англоязычном мире, а также пика энтузиазма по отношению к СССР. Статья предлагает ближе взглянуть на путевую прозу о Советской России, которую критика обычно характеризует как малохудожественную, чересчур идеологизированную. Сначала раскрывается модель большинства книг о России, в которых описывались недолгие поездки авторов по стране под эгидой «Интуриста». Выявляются характерные мотивные и смысловые блоки «интуристовских травелогов», которые в самом деле несут на себе печать советской пропаганды. Затем следуют книги, авторы которых либо годами жили в СССР, либо сумели вырваться из-под надзора «Интуриста» и вступить в прямой контакт с советскими людьми. Эти книги отличает разная степень эмпатии авторов к драме и трагедии советского народа. За анализом показательно-межеумочного изложения «попутчика» М. Хиндуса следует анализ важнейшей «Командировки в утопию» прокоммунистически настроенного Ю. Лайонса, который в Москве жестоко разочаровался в практике социалистического строительства и стал одним из самых глубоких ее критиков. Наконец, уникальное намерение Э.М. Делафилд написать комическую книжку о колхозе вылилось в остроумную критику целей и методов советского строя. Разобранные книги предлагают читателю не просто путешествие по сталинской России, но путешествие вглубь внутреннего мира авторов, и потому имеют не только историко-литературное значение.

Ключевые слова: Советская Россия, 1930-е гг., жанр путешествий, утопия, разочарование, Ю. Лайонс, М. Хиндус, Э.М. Делафилд.

Информация об авторе: Ирина Валерьевна Кабанова, доктор филологических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, 410012 г. Саратов, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>. E-mail: ivk77@hotmail.com.

Для цитирования: Кабанова И.В. Англо-американская путевая проза 1930-х гг. о Советской России // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 228–265. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-228-265>.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-228-265>

UDC 821.111

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Irina KABANOVA

ENGLISH AND AMERICAN TRAVEL WRITING OF THE 1930s ON SOVIET RUSSIA

Abstract: Starting with a survey of historical and ideological reasons for the unprecedented rise of Western interest in Russia after 1917 and especially after the Great Depression, the paper focuses on the travel books widely read on both sides of the Atlantic in the 1930s. The decade saw the blooming of travel prose in the English-speaking world, as well as the peak of enthusiasm for Russia during the XXth century. The paper attempts a closer look at the travel books on Soviet Russia, usually dismissed by critics as lacking in the quality of writing, too ideological. First the model of stereotypical book based on short Intourist tour is described (motive structure, prevailing parroting of Soviet propaganda clichés). Next follow the books produced by Western residents in the USSR, or persons who escaped Intourist surveillance and experienced some direct contact with Soviet people. They certainly look at Russia under the Western eye, but are able (to a different degree) to empathize with the drama and tragedy of Stalin's Russia. From half-hearted account of "fellow-traveller" M. Hindus, the paper proceeds to fundamental "Assignment in Utopia" by E. Lyons, who turned from ardent Communist into highly argumentative critic of Soviet Russia, and to the unique project of writing a comic book about kolkhoz by E.M. Delafield, that resulted in a witty critique of Soviet aims and ways. In finding their way not just around Stalin's Russia, but in providing the reader with the road to the authors' inner selves, these books are still relevant today.

Keywords: Soviet Russia, 1930s travel books, utopia, disappointment, E. Lyons, M. Hindus, E.M. Delafield.

Information about the author: Irina V. Kabanova, Doctor Hab. in Philology, Professor, Saratov Chernyshevsky State University, ul. Astrakhanskaya 83, 410012 Saratov, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>. E-mail: ivk77@hotmail.com.

For citation: Kabanova, Irina. "English and American Travel Writing of the 1930s on Soviet Russia." *Literature of the Americas*, no. 10 (2021): 228–265. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-228-265>.

Распад крупнейших европейских империй, Октябрьская революция и особенно Великая депрессия 1929 г. вселили в широкие круги западной интеллигенции растерянность, мысль о близком конце буржуазного мира. Многим в той точке времени казалось, что поддерживать капитализм — значит быть на уходящей стороне истории. Для рационального западного сознания идея плановой экономики казалась панацеей от хаоса экономики рыночной; бесспорно привлекательными были лозунги построения бесклассового общества, которое воплотит неоспоримо научные положения марксизма, создания промышленности по последнему слову науки. Вместо броуновского движения капитализма возникнет социалистический порядок. Не всех привлекал этот набор идей, присутствовала и критика Советского Союза с разных позиций, но всякий раз предсказания скорого падения большевиков оказывались преждевременными. Группа «друзей Советского Союза» звучала в «русском» дискурсе тридцатых годов громче, чем их оппоненты. Радикальные «красные» и салонные «розовые» интеллектуалы осуждали свое общество во всех его «буржуазных», «эксплуататорских», «устарелых» проявлениях и стремились поспеть на дирижабль истории, который взмывает над Советским Союзом, и вскоре неизбежно и грозно, неся с собой историческую справедливость, достигнет и их стран: «[В Москве в 1927 г.] мне казалось, что открылись врата дороги, ведущей человечество в Рай, и оставалось только убедить рабочих своей собственной страны сбросить класс капиталистов и присоединиться к СССР»¹ [Utley 1940: 16]. В их восприятии социализм и коммунизм были исторически предопределенной необходимостью, собственным завтрашним днем, а Советский Союз — героической страной, в которой народ мучительно и жертвенно создавал новые формы общества и государства, и выковывался небывалый в истории новый тип личности, цельный и свободный человек, хозяин своей судьбы. Это и есть не обязательно высказанная в тексте предпосылка большинства травелогов о Советской России — стремление не отстать от своего времени, готовность увидеть в советском опыте только хорошее, сгладить любой негатив.

По сути дела значительная часть общественного сознания Запада ставила под вопрос собственное наследие и проецировала на Россию свои опасения и надежды, что делало его особенно уязви-

---

¹ Перевод с англ. здесь и далее наш. — *И. К.*

мым для советской пропаганды. Иные авторы публикаций в прессе были записными «друзьями Советской России», то есть регулярно приглашались как члены делегаций, участники конгрессов, получали в России гонорары или контракты — зависимость от дружественного отношения Советов делала их колебания вместе с линией партии незаметными для них самих. Кто-то сознательно обходил все острые вопросы, возникавшие у независимых наблюдателей, с тем чтобы не повредить социальному эксперименту, не давать лишнего повода капитализму для атаки на русскую революцию. Чем левее был автор, тем более последовательно он стоял на этой позиции. Но те, кто приезжал в СССР на достаточно длительный срок, чтобы соприкоснуться с реальной жизнью, — иностранные корреспонденты, специалисты, рабочие — как правило, в корне меняли свое отношение, превращаясь из энтузиастов социализма в его обличителей. Известны случаи, когда их книги, написанные по горячим следам по возвращении из СССР, публиковались десятилетия спустя — в тридцатые годы издатели отказывались печатать критику советского строя.

Тематика книг о Советской России очень широка, от анализа Конституции и государственно-политического устройства до анализа советской музыки, драматического театра, кино и литературы. Основные тематические блоки в этом массиве составляют книги по экономике, индустриализации и коллективизации, описания первых пятилеток, с включением карт и статистических таблиц. По внешней политике СССР книг относительно меньше, тогда как среди внутривнутриполитических тем акцент очевидно смещался от описания достижений промышленности к вопросам, возникавшим в связи со сталинским террором. Собственно путевая проза, то есть книги, написанные по возвращении из СССР, составляет лишь малую часть общего потока публикаций о России, который стоит иметь в виду при анализе травелогов.

Американцы всегда составляли не менее половины прибывающих в СССР иностранцев; еще до восстановления дипломатических отношений со США в 1933 г. Советы заключали в Америке частные контракты на импорт американского оборудования и технологий, рекрутеры нанимали на американских заводах специалистов и квалифицированных рабочих для работы в СССР на контрактной основе. Поскольку уже в межвоенные годы сближались книжные рынки Британии и США, многие книги выходили одновременно по обе стороны Атлантики в разных издательствах, иногда с измененным заглавием.

Указатель книг о Советской России Грирсона [Grierson 1943] фиксирует без разграничения книги английских и американских авторов, переводы с французского и немецкого языков.

Посмотрим на общую издательскую динамику тревелогов об СССР. До восстановления дипломатических отношений с Великобританией в 1929 г. англичане могли приезжать в СССР только по приглашению партийных, государственных и профсоюзных органов, частные визиты шли по линии ВОКСа. Согласно указателю Грирсона, с 1923 по 1929 г. включительно была опубликована 21 книга о России, причем половина из них приходится на 1928–1929 гг., период активной обработки общественного мнения перед восстановлением дипломатических отношений. В двадцатые годы преобладают брошюры белоэмигрантов, английских экономистов и политиков, отчеты журналистов, побывавших в России с кратким редакционным заданием.

С 1930 по 1939 г. указатель дает 64 отчета о поездке в Россию, то есть троекратный рост по сравнению с предыдущим десятилетием. Обычно объем этих книг соответствует издательской норме в путевой прозе — 260–320 страниц, некоторые снабжены фотографиями, практически на каждую можно найти рецензии в прессе по выходе книги в свет. Любопытно отметить два издательских пика интереса к СССР: в 1932 и 1936 гг. вышло соответственно 12 и 10 книг. Думается, дело в том, что международный скандал, вспыхнувший в 1933 г. в связи с арестом в Москве шести английских инженеров фирмы «Метрополитен-Виккерс», не просто снизил поток британских посетителей в СССР, но заставил их менее охотно делиться своими впечатлениями, отсюда первое падение, начиная с 1933 г. А с 1937 г. начинается коллективное прозрение: на Запад в связи с московскими процессами, с войной в Испании начинает проникать правда о сталинизме и происходит резкое падение предложения и спроса на документальную прозу о России. Самое позднее описание России в путевой прозе тридцатых годов содержится в книжке уже знаменитой к тому моменту своими военными корреспонденциями из Испании американки Вирджинии Коулс² [Cowles 1941], которую привел в Россию весной 1939 г. интерес к русско-финской войне, и в книге Россия — один из эпизодов ее ранней карьеры военного репортера.

---

² Родившаяся в Вермонте, Коулс печаталась по обе стороны океана, с 1945 г. жила в Англии.

Рассмотрим травелоги от стандартно-поверхностных восхвалений до книг, авторы которых пошли против господствующей безоглядной моды на СССР и попытались донести до своих читателей Россию 1930-х гг. такой, какой они ее увидели.

Первую, численно доминирующую группу составят полузабытые книги, в которых Россия изображалась преимущественно как счастливый антипод капиталистического мира, а ее современное состояние — как трудности роста, как неизбежное следствие масштаба исторического эксперимента.

Первая подгруппа подобных книг отличается описанием необычных, индивидуальных маршрутов авторов, наличием в них элемента личной связи с Россией. Для авторов это либо начало, либо продолжение русской темы. Так, выпускник созданной Синди и Беатрис Веббами Лондонской школы экономики Пол Уинтертон получил в 1928 г. стипендию в 200 фунтов для продолжения образования и потратил ее на 9 месяцев пребывания в России. Живя в семье крупного харьковского партийца, он изучал русский язык и экономику, о чем и написал с несколько наивным энтузиазмом в своей книге «Студент в России» [Winterton 1931]. В дальнейшем Уинтертон будет много выступать с опровержениями антисоветской критики. Русскоговорящий американский бизнесмен А. Мулдавин описывает свою деловую поездку по России в книге «Красный туман рассеивается» [Muldavina 1931]. Общественный деятель и преподаватель той же Лондонской школы экономики Ч.М. Ллойд, сотрудник рупоров английского социализма *Manchester Guardian* и *New Statesman*, добавил к своим предыдущим статьям об СССР впечатления от краткого визита в Москву; получился сорокастраничный памфлет «Заметки о России» [Lloyd 1932]. Среди визитеров из США были русские эмигранты, такие, как миссис Блейкли, урожденная Ирина Скарятинна, в первом браке графиня Келлер, бежавшая из России в 1922 г. Ее книга «Сначала вернуться. Аристократка в Советской России» [Skariatina 1933] не несет никаких следов обид, только восхищение новой Россией. Английский бригадный генерал, военный дипломат Уолскорт Х.-Х. Уотерс, бывавший в России до революции, также делает сравнение прошлого с настоящим в пользу настоящего [Waters 1935].

Вторая, основная подгруппа туристских травелогов, строится на описании интуристовского тура по России. Учрежденный в 1929 г. «Интурист» принимал в год в среднем двадцать тысяч иностранцев

[Орлов, Попов 2018]³. Большую их часть стабильно составляли американцы, количество туристов из Британии значительно колебалось. Когда в апреле 1933 г. состоялся показательный процесс над инженерами-«вредителями» английской электротехнической фирмы «Метрополитен-Виккерс»⁴, на английских туристов была наложена ограничительная квота — коммерческие соображения в деятельности «Интуриста» всегда подчинялась политическим. В 1938 г. развернулась настоящая «визовая война» с Англией, и туристический поток оттуда к 1939 г. практически иссяк. Несмотря на старания «Интуриста» приблизиться к западному уровню сервиса, в условиях СССР это оказалось невозможным, да «Интурист» никогда и не делал ставку на сервис — он рекламировался на Западе как своего рода машина времени, он предлагал экскурсию в будущее, привилегию взглянуть на единственную в мире страну, строящую социализм. Предлагались дорогие туры первой категории по Севморпути, на курорты Северного Кавказа, охотничьи туры, которые могли себе позволить только богатые люди, не написавшие о них книг. Были и туры третьей категории, в которые входило расплывчатое обещание «сытной еды», транспортировки и стандартной гостиницы (см.: [Багдасарян, Орлов 2007: 24–26; Березовая 2016: 15–17]). Судя по книгам, большинство авторов травелогов приобретали в «Интуристе» «открытый» тур, позволявший в согласованной точке въезда в СССР выбрать любой из 36 утвержденных маршрутов, главным образом по европейской части России, и комбинировать части разных маршрутов. Разные отрезки путешествия проходили в разных группах, поэтому у кого-то спутники постоянно менялись, а у кого-то группа была относительно стабильной. Иногда туристы обращались за продлением визы и задерживались в Москве. Большинство травелогов и описывает этот стандартный тур [Griffith 1932⁵; Jarman 1933; Lyall 1933; Travers 1934; Maybury 1934; Coates, Coates 1936]. Авторы, как правило,

---

³ Отметим, что точное число обслуженных «Интуристом» клиентов до сих пор не установлено; разные источники приводят цифры в диапазоне от 100 до 133 тысяч человек.

⁴ См. книгу участника событий, главы московского представительства компании Аллана Монкхауса: [Monkhouse 1934].

⁵ Драматург Хьюберт Гриффит часто бывал в СССР, о его взаимоотношениях с русским театром см.: Claire Warden, “Moscow, Saint Petersburg, London: Hubert Griffith and the Search for a Russian Truth,” *Comparative Drama* 49, no. 1 (Spring 2015): 1–21).

подчеркивают, что их цель — объективно информировать британскую или американскую публику о положении дел в России, представить свидетельство очевидца, избежать политизированных крайностей хулителей и энтузиастов Советской России. Но они видят только то, что им показывают, спецобъекты для иностранцев, встречаются с подготовленной аудиторией, и потому редко кто подозревает, что реальное положение дел в России несколько отличается от предъявляемой им отлакированной картинки. Работает и то, что Пол Холландер назвал «техникой гостеприимства»: туристы как будто подпадают под гипноз своих гидов, не зная, что эти гиды ежедневно пишут о каждом из них отчет в особый журнал ОГПУ⁶. Бытовые же трудности, которые было невозможно скрыть, отдельные неприятные впечатления авторы списывают со счетов как своего рода «социалистическую экзотику», как пережитки прошлого или мелкие недочеты, меркнувшие на фоне поразительной картины строительства новой жизни.

Хотя критика уровня интуристовского сервиса — размещения в номере с чужими людьми и антисанитарии в номерах, задержек в ресторанах, ожиданий подачи автобусов, отмены запланированных экскурсий, низкого культурного уровня гидов — является общим местом в этих травелогах, никто из их авторов ничего не предпринимает для улучшения условий. Единственный встреченный пример того, как иностранец решил призвать «Интурист» к ответу, содержится в книге, написанной в 1938 г. Зарой Виткиным, — «Американский инженер в сталинской России» [Witkin 1991], для которой автор так и не смог найти издателя. Виткин начал свое двухгодичное пребывание в России в мае 1932 г. с интуристовской поездки по европейской части. Из каждого пункта следования он слал телеграмму в Москву директору «Интуриста» с дотошным перечислением нарушений контракта (перезезды между городами плацкартой, а то и стоя, вместо мягкого вагона; сухой паек вместо горячего питания; номер с клопами и т. д.), а по возвращении в Москву явился в «Интурист», прорвался к директору и потребовал вернуть разницу в стоимости заранее оплаченных и реально оказанных услуг, в долларах. Первоначальная высокомерная реакция директора: «“Интурист” никому ничего не компенсирует; таких прецедентов не было» [Witkin 1991: 73] — сменилась испугом и вручением

---

⁶ «Интурист», КГБ и советский шик — как в СССР начинался иностранный туризм // Если честно: [сайт]. URL: <https://esli-chestno.ru/publications/inturist.html> (дата обращения: 12.04.2021).

конверта с причитающейся клиенту суммой, когда Виткин пригрозил разоблачениями в западной прессе с последующим запретом на рекламу «Интуриста» в США. Виткин не забывает отметить, что деньги ему вернули по официальному обменному курсу — два доллара за рубль, тогда как на черном рынке доллар в Москве в тот момент стоил не меньше тридцати рублей [Witkin 1991: 74].

Л. Макмерти называет тревелог «большой дорожной сумкой»⁷, в которой находится место всему, что забросил в нее автор. Поскольку туристский опыт всех иностранных туристов в стране Советов в 1930-х гг. был тщательно сформирован «Интуристом», а их контакт с реальной жизнью советских людей сведен к минимуму, содержимое этой путевой сумки у всех было примерно одинаковое, и в рассматриваемом поджанре легко вычлняются общие мотивные блоки. В начале — радостное волнение автора в предвкушении поездки, путешествие морем до Ленинграда (реже — поездом до Негорелого), на границе — неожиданная конфискация ввозимых книг «до выяснения» (несколько дней спустя в Москве книги после проверки возвращали) и предупреждение относительно правил фотосъемок. Затем фиксируется легкая оторопь от запущенности города, от отсутствия горячей воды в «Астории» или в «Европейской», от качества питания и от того, сколько времени всякий раз теряется в ресторане. Далее следует описание осмотра дворцов в Ленинграде и окрестностях, раздражения от навязчивости экскурсоводов, общего впечатления от серой толпы, колышущейся на переполненных тротуарах, от гроздьев людей, свисающих из трамваев. Следующая неделя — то же самое в Москве, в «Национале» или «Новомосковской», с посещением музеев, театра, образцово-показательных предприятий, школ, яслей, роддома, ИТК в Болшево и воспроизведением штампов советской пропаганды. Затем либо сплав по Волге от Нижнего Новгорода до Сталинграда, либо через Харьков — в Ростов, или прямо в Киев. И опять показательные заводы и фабрики, парки культуры и отдыха, детские сады и родильные отделения, — с выездом на день в колхоз. Напоследок остаются краткий отдых в Ялте, экскурсия в Ливадию, для желающих, за дополнительную плату — поездка на день в Севастополь (до тех пор, пока его не закрыли для иностранцев) и Одесса, откуда турист отплывал домой. Главным открытием относительно советского образа

---

⁷ Larry McMurtry, “New Voyager. Review of *Passage to Juneau: A Sea and Its Meaning* by Jonathan Raban,” *New York Review of Books*, January 20, 2000, 42.

жизни становится то, что страна очень большая, повсюду кипит работа, русские приветливы, обслуживающий персонал не берет чаевых (что воспринималось как свидетельство гордости советского человека, ведь туристы не знали, что за чаевые строго наказывали), матерям положен декретный отпуск, в стране искоренены безработица и проституция, а население, в том числе служащие «Интуриста», не имеет понятия о реальной жизни на Западе.

С середины тридцатых годов интуристовский тур в качестве основы для травелога об СССР, похоже, исчерпал себя. Породив к жизни серию однообразных книг, которые отличаются друг от друга в основном степенью авторской политической наивности, визит в СССР перестал быть неизменным поводом для публикации даже у профессиональных литераторов. Так, начинающий романист Энтони Поуэлл и его жена Вайолет, впоследствии биограф многих писательниц XX в., посетили Ленинград и Киев в 1936-м — последнем году, когда описанные выше туры продавались в Англии, и ни он, ни она тогда не написали об этом ни строчки. Только в третьем томе мемуаров Поуэлла «Пусть мячик крутится» [Powell 1980] содержатся краткие воспоминания о поездке, свидетельствующие о том, что литературная пара воспринимала окружающее через призму русской классической литературы. В Ленинграде унылые грязные районы намного обширней, чем великолепная декорация дворцовой части города, но «ни один поклонник русской литературы ничего другого не ждет и не желает» [Powell 1980: 32–33]; чтение Гоголя не подготовило их к впечатлению от Киева, где они почувствовали себя в другой стране, настолько киевская уличная толпа отлична от ленинградской. Запомнился Поуэллу Торгсин, где на всяком хламе стоят ценники выше, чем на Бонд-стрит; запомнилась толпа в противогазах во время городских учений гражданской обороны; и проводница, которая, выпросив у Вайолет ношенный джемпер, осыпает их в запертом купе горячими поцелуями благодарности.

Таким образом, стандартная путевая книга о России тридцатых годов прежде всего фиксирует спешку ее автора «отметиться» в модной теме, показать свое участие или причастность, по крайней мере свой активный интерес, к чудо-стране, где сегодня творится история. Сама ситуация строго контролируемого хозяевами краткосрочного визита в страну лишала авторов интуристовских травелогов, как бы они ни были интеллектуально оснащены и насколько бы ни владели пером, возможности проникнуть за фасад представленных им декораций стройки социализма.

Подробнее остановимся на второй группе книг, более амбициозных, чем интуристовские травелоги. В этих сочинениях сочетаются черты путевой прозы и настоящего социально-политического анализа. Это книги, написанные людьми, которые годами жили в СССР. Благодаря их работе в ведущих английских и американских изданиях, их имена в качестве корреспондентов из притягательной России были широко известны, а их публикации оказывали реальное влияние на политику западных стран. Президент Рузвельт накануне возобновления дипотношений с Россией консультировался с московским корреспондентом *New York Times* Уолтером Дюранти как с ведущим американским специалистом по России — Дюранти, законченный циник, как обычно, представил политику Сталина в лучшем свете. Дожившие до периода холодной войны авторы этой группы стали ведущими кремлинологами, противопоставляя свои нынешние обличения Советского Союза гимнам, которые они пели ему в молодости, как бы пытаясь искупить прошлые заблуждения. Их книги тридцатых годов, основанные на долговременном личном знакомстве с жизнью в СССР, становились бестселлерами, поскольку были несравненно более информативны и аналитичны в сравнении со скороспелыми отчетами туристов.

Эта группа первых «экспертов по России» состояла из людей разных поколений. Дуайенами небольшой колонии иностранных корреспондентов в Москве были не питавший никаких иллюзий относительно происходящего в России А.Т. Колертон (лондонские *News Chronicle*, *Daily Telegraph*, в Москве с 1921 по 1942 г.) и англичанин Уолтер Дюранти (*New York Times*, в Москве с 1922 по 1940 г.). Блестящий апологет Сталина, лауреат Пулитцеровской премии за репортажи из России, любимец цензоров, Дюранти оправдывал все зигзаги советской политики любимой поговоркой «омлет не приготовишь, не разбив яйцо», и видел в русских нацию, которую цивилизация обошла стороной⁸. Американец Уильям Генри Чемберлин (*Christian Science Monitor*, *Manchester Guardian*, с 1922 по 1934 г.), отличался сдержанностью, аналитическим складом ума, ход революции объяснял азиатской природой русских и был одним из ранних теоретиков тоталитаризма. Луис Фишер (*New York Evening Post*, *Daily Herald*, еженедельник *Nation*, с 1922 по 1934 г.) был самым несамостоятельным в этой группе, послушным «попутчиком», он позже всех сбросил шоры пропаганды. Юджин Лайонс (при рождении Евгений Натанович Привин, родом

⁸ Подробно о Дюранти см. его биографию: [Taylor 1990].

из-под Минска, вырос в США; агентство *United Press*, журнал *Variety*, с 1928 по 1934 г.) был допущен в СССР как отлично зарекомендовавший себя сотрудник нью-йоркского бюро ТАСС. Ральф Барнс (*New York Herald Tribune*, с 1931 по 1935 г.) ради сенсации был способен рискнуть отношениями с властью, например, когда опубликовал интервью с матерью Сталина. Остальные (Малькольм Маггеридж, Гэрет Джонс, Чарлз Маламут) работали в России более краткие сроки⁹. Как видно из приведенных сроков их московских командировок, ядро этой первой когорты покинуло Россию вскоре после установления дипотношений между Россией и США, и несколько лет спустя они начали публиковать книги, вызвавшие гнев западных «попутчиков». Это были первые книги, где устройство сталинизма раскрывалось изнутри.

Далеко не каждому западному изданию и даже агентству удавалось направить специального корреспондента в Москву, потому что главным условием для получения визы были прокоммунистические симпатии кандидата. Все вышеперечисленные испытывали в юности либо теоретический, либо практический интерес к марксизму, успели проявить себя на левом фронте. Колертон, Чемберлин были женаты на русских; за годы в России все в какой-то степени овладевали русским языком. В Москве у них был практически дипломатический статус, но от дипломатов они отличались большей степенью вовлеченности в политический процесс страны. На поездки за пределы Москвы полагалось испрашивать разрешение, но для знакомства с достижениями пятилетки их коллективно вывозили на открытие Турксиба, Днепрогэса, в совхоз «Верблюды», на испытания технических новинок на подмосковных полигонах.

Их мемуары показывают обстановку жесткой конкуренции за любые новости из закрытой для внешнего мира политической системы, что само по себе вело к погоне за сенсацией. Большая часть их рабочего времени уходила на прочесывание с помощью русских секретарей областных и районных советских газет, чтобы получить более близкую к реальности картину, чем та, что спускалась им сверху. Кроме того, все, что публиковалось на периферии, уже прошло внутреннюю цензуру, и по идее могло беспрепятственно использоваться инкорами. Тем не менее все их телеграммы (телефонная связь с Берлином и Лондоном была установлена только в 1933 г.) должны были проходить цензуру

---

⁹ Подробнее об этой группе московских иностранных корреспондентов см.: [Engerman 2003: 194–243].

Наркомата иностранных дел, без визы синего цензорского карандаша их депеши телеграф не принимал. У журналистов складывались разные отношения с четверкой цензоров Наркоминдела, из которых наибольшую коллективную неприязнь вызывал их начальник Константин Уманский (позже, в 1939–1941 гг., посол СССР в США). Иногда московские спецкоры узнавали новости из Кремля из вопросов своих редакций, когда ТАСС на несколько часов раньше оповещал мировые информагентства, нарушая договоренность с инкорами об их приоритетном информировании. Эти унижительные для московских инкоров случаи подрывали их симпатию и доверие к властям. Профессионально каждый горел желанием обставить конкурентов в погоне за новостями хоть на час, хоть на минуту, но по принципиальным вопросам они выступали единым фронтом и сознавали, что в Москве, находясь в центре творимой истории, переживают не просто уникальную фазу карьеры, но самые интенсивные годы своей жизни.

В их индивидуальных историях сотрудничества с советской властью поворотными пунктами для большинства стало начало показательных процессов 1930-х гг. и прямой запрет на освещение голода 1932–1933 гг. Иностраный корреспондентский корпус в Москве, прекрасно зная о масштабах голода, поддался на шантаж отдела печати НКВД. В неформальной обстановке номера в «Национале» К. Уманский, приятно улыбаясь, поставил журналистам ультиматум: или они опровергнут просочившиеся на Запад слухи о голоде в России, или их не допустят на предстоящий процесс инженеров «Метро-Виккерс», который находился в центре внимания английской и американской публики. Ради возможности освещать процесс они отrekliсь от Гэрета Джонса, который в марте 1933 г., выехав из Москвы в Берлин, первым прорвал покров молчания вокруг голода и которого они сами же снабдили информацией. Упражняясь в риторике, они создавали в своих корреспонденциях впечатление, что Джонс солгал. В августе 1933-го, когда стало ясно, что в России выпал на редкость урожайный год и худшее позади, они сами стали касаться темы голода — в прошедшем времени, избегая слова *famine* и употребляя обтекаемые выражения «недоедание», «жертвы нехватки продовольствия», «смертность от болезней, связанных с плохим питанием», и т. п.¹⁰

---

¹⁰ Подробнее историю освещения голода и голодомора см.: [Muggeridge 1973: 256–260]; [Mace 1992]; [Chefras 2013], а также материалы сайта <http://garethjones.org>.

В их собственных книгах тридцатых годов мало говорится об обстоятельствах, которые подчеркивают современные исследования: во-первых, о внутренней самоцензуре, поскольку их работа целиком зависела от наличия визы. В Москве они жили так, как никто из них не мог бы себе позволить жить на Западе, и видели, как советское правительство высылало коллег, которые ухитрялись передавать в Берлин и Вену «недружественные» факты. Поэтому они предпочитали держать язык за зубами. Во-вторых, хотя корреспонденты постоянно сетовали на то, что их держат в Москве, не разрешают ездить по стране и всячески затрудняют исполнение ими профессиональных обязанностей, они не отдавали себе отчета, в какой мере были «полезными идиотами», насколько ими манипулировали их русские знакомые. Например, бесстрашный, умный, такой славный и полезный «известинский Кольцов», журналист А.Н. Гарри, был с самого начала приставлен к Юджину Лайонсу от НКВД. Через Лайонса Гарри «парализовал и предупреждал распространение в иностранной печати сведений, которые могли бы быть нам невыгодны» [Киянская, Фельдман 2017: 24], снабжал его «правильными» новостями. Будучи с Лайонсом в тесных приятельских отношениях, он «не доверял ему ни минуты», и «считал Лайонса шпионом постольку, поскольку шпионом является каждый инкор» [Киянская, Фельдман 2017: 31]. По совокупности этих причин большинство книг инкоров первой половины тридцатых годов носит вполне благожелательный для Москвы характер.

Например, автором нескольких бестселлеров о России был фрилансер Морис Хиндус (1891–1969), записной друг Советского Союза, бывавший в стране ежегодно и подолгу. После каждого визита он публиковал новую прочувствованную книгу. Родившийся в черте оседлости вблизи Слуцка, Хиндус попал в Америку в 1905 г. Докторскую диссертацию в Гарварде он защитил по аграрной проблеме России и считал, что историческое будущее России зависит от решения крестьянского вопроса. В каждый свой приезд в Россию Хиндус навещал родную деревню в Белоруссии, за исключением голодной зимы 1932–1933 гг., когда ему выдали визу под условием не покидать Москву. В Москве же он принадлежал к кругу инкоров, где все только и говорили о страшных известиях с Украины, Кубани, Поволжья. Хиндус и без поездки в Слуцк прекрасно знал о голоде и даже довольно точно прикидывал число его жертв, но портить отношения с советскими властями не желал. Поэтому рассматриваемая здесь в качестве примера четвертая его книга о России, «Великий перелом» [Hindus 1933],

вскользь касается только полтавских деревень, где, в его изложении, вдруг случились перебои с продуктами питания.

Сталинская формула для начала первой пятилетки в заглавии сочинения Хиндуса подсказывает читателю, что ему предлагается подведение итогов пятилетки, обзор жизни страны за 1929–1933 гг. В жанровом отношении книга представляет собой смесь репортажа и путевой прозы (описание поездки по Транссибу), статистики (приводятся таблицы залежей полезных ископаемых в СССР, роста промышленного производства, карты новостроек пятилетки) и социологии (очерки о советской семье и браке, о положении верующих и т.д.). Авторскую позицию отличает двойственность: с одной стороны, Хиндус не устает говорить о правоте и величии революции, о том, что советский человек уже преобразовался в новое существо, якобы утратив в одночасье инстинкт собственника: «За 16 лет революция так «переплавил», пересоздала русского, что он стал новым явлением на планете, личностью с новыми целями, мнениями и реакциями. Этот социальный триумф и есть основа интереса к революции, к ее Великому перелому; он доказывает, что даже в наш продвинутый машинный век человеческая личность легче поддается перестройке, чем экономический строй» [Hindus 1933: vii]. С другой стороны, ставя вопрос о цене достижений революции, сочувственно показывая трагедию русского крестьянства, «бывших» и их детей, он объективно подрывает собственную риторику. Контраст черт прошлого и будущего, высоких целей и методов их достижения делают Советскую Россию «самым драматичным на сегодня спектаклем на планете», и задача книги — «как можно более полно запечатлеть природу и смысл Великого перелома в борьбе за новый мир» [Hindus 1933: ix].

Уже «Введение», описывающее Москву, задает манеру изложения, прослеживающуюся на протяжении всей книги. Сначала Хиндус как будто повторяет лозунги советской пропаганды, отмечая позитивные изменения в облике столицы. На ее улицах стоит грохот работающих машин, идет перепланировка города, воздвигается новое жилье, открываются магазины. Разрешен еще недавно запрещенный фокстрот; театры, опера и балет переполнены, а чтобы попасть в кино, надо выстоять часовую очередь; публика валом валит на литературные вечера. На каждом углу в центре — книжные магазины, книга — «вот живой голос революции» [Hindus 1933: 19], русские — самая читающая нация в мире. Москвичи спешат на реку, в парки, где занимаются спортом и подставляют тела, не носящие следов недоедания, солнцу;

в распоряжении иностранцев по первому требованию появляются автомобили. Атлетически сложенные комсомольцы сообщают автору, что вскоре их родина станет новой Грецией, поскольку ее граждане достигнут неслыханного с античных времен совершенства, гармонии тела и духа.

Но за победным позитивом сразу следует негатив: стоит свернуть за угол с центральных улиц, как взгляд упирается в мрачные очереди за хлебом или керосином; общественный транспорт не справляется с потоком пассажиров; Москва — город тотального дефицита, а те товары, что есть, ужасного качества. Эти знакомые по туристским травелогам зарисовки служат здесь обрамлением для историко-философских утверждений о том, что ни голод, ни нарастание репрессий, ни смерть Сталина, ничто — за исключением военной интервенции — не может развернуть Россию назад, потому что новое социалистическое общество и новый человек здесь уже сложились. Хиндус опережает тем самым в революционном оптимизме В.В. Молотова, который, как известно, первым озвучил цель построения бесклассового социалистического общества как практическую цель партии в докладе «Задачи второй пятилетки» на XVII съезде ВКП(б) только 3 февраля 1934 г.¹¹

Наглядней всего двойственность авторской позиции проявляется в разговоре о коллективизации. Автор повторяет сталинские тезисы о нарастании классово-борьбы в ходе революции, о мелкобуржуазной природе крестьянства, о необходимости налаживания индустриального сельского хозяйства для процветания России. Но одновременно он показывает, что при попытке модернизации аграрного сектора крестьянство ограбили, обманули, уничтожили, и что причина неудач — не вредительство кулаков, а нереалистичная политика и глупость начальства на местах. Говоря, что от решения аграрной проблемы зависит будущее революции, Хиндус перекликается с теми исследователями советской экономики, которые считают, что коллективизация была самой большой ошибкой большевиков с долговременными последствиями, приведшими в результате к крушению СССР [Hunter, Szymer 1992; Allen 2003]. Решение аграрной проблемы Хиндус видит в деятельности только что созданных политотделов при МТС, которые

---

¹¹ Доклад товарища Молотова о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР // Хронос: всемирная история в интернете: [сайт]. URL: http://hrono.ru/vkpb_17/15_1.html (дата обращения: 12.04.2021).

должны возродить разорванную социальную ткань на селе, но почему эти придуманные Л. Кагановичем «политотделы» — подразделения того же ГПУ, которое в действительности уже четыре года ведет войну с крестьянством, — вдруг начнут крестьянство спасать? Читателю Хиндуса не может прийти в голову такой вопрос. Как всегда у апологетов СССР, решение труднейшей насущной проблемы переводится в облегченную плоскость и откладывается на завтра с заверениями, что уж завтра все точно получится.

Самый известный пассаж из «Великого перелома» получил популярность помимо намерений автора. Реформаторий-профилакторий для проституток в Москве, по Хиндусу, выглядит оазисом культуры посреди советской разрухи: «В кабинете начальника письменный стол красного дерева, мягкие кресла, картины в замысловатых рамах — несомненно, наследие прошлого, когда в особняке обитал какой-то коммерсант. Сейчас за его столом сидит молодой человек лет тридцати, который настолько отличается от нормального советского служащего, что вы ахаете от удивления. Он чисто выбрит. На нем не рабочая блуза и не сталинская тужурка, а современный костюм, и в довершение всего — воротничок, галстук и, уж вовсе невероятно, штiblеты! Он обладает хорошими манерами, вежлив, говорит негромким голосом, очевидно, высокообразован. Хоть он и коммунист, он считает необходимым поддерживать презентабельность настолько, насколько это позволяет скудный ассортимент московских галантерейных магазинов» [Hindus 1933: 212]. По свидетельству М. Маггериджа [Muggeridge 1973: 233], московские корреспонденты давно так не смеялись — это был один из перлов благоглупости, выданный западным визитером в СССР. Эта и прочие документальные книги Хиндуса сегодня видятся примером характерного лавирования «попутчиков», чьей целью было оправдание советского эксперимента вопреки тому, что видели их собственные глаза.

Намного более долгосрочное влияние оказывали книги «прозревших попутчиков»: роман М. Маггериджа «Зима в Москве» [Muggeridge 1934], «Железный век России» и «Коллективизм: ложная утопия» У.Г. Чемберлина [Chamberlin 1934; Chamberlin 1937]. Рассмотрим их дискуссионную, неприемлемую для большинства западной публики тридцатых годов позицию на примере «Командировки в утопию» (1937) Юджина Лайонса.

Она признана классикой литературы о Советской России по праву. Открытый, веселый, всегда готовый помочь Лайонс, после приезда

в Москву быстро заговоривший по-русски, стоял в течение шести лет в центре колонии иностранных журналистов в Москве. У него были самые обширные знакомства и, что важно в перенаселенной Москве, самая обширная жилплощадь. Четыре последних года он прожил в квартире в особняке А. Хаммера в Петровском переулке, где они с женой устраивали знаменитые вечеринки и поражали воображение русских действующей ванной. Примерно в середине срока своего пребывания в Москве Лайонс заметил в себе перемену — он встал на русскую точку зрения, и именно этим его книга выигрышно отличается от прочих западных книг на русскую тему. В ней нет, как у Чемберлина, отстраненно-исследовательского отношения к русским как к азиатам или, как у Дюранти, как к нецивилизованным дикарям, которые сами не осознают своих страданий. Русские для него не объект сатиры, как для Маггериджа, и не гибрид святого мученика с человеком будущего, как для Хиндуса. В целом книга написана с позиций западнцентричного сознания, но отклоняется от него дальше, чем любые рассматриваемые травелоги. Лайонс относится к России и русским с любовью — и тем жестче его критика сталинизма, уничтожающего русский народ. У него был небольшой штат русских помощников (секретари и временные сотрудники, шофер, прислуга, кухарка Шура), которые платили ему человечностью за человечность — давали понять, что именно они сообщали о нем в органы, и он относился с пониманием к их «революционной бдительности». В личном плане органам не за что было зацепиться. Профессионально Лайонс был отличным журналистом, часто выигрывавшим гонку за сенсацией.

Он — первый западный журналист, который взял интервью у Сталина (ноябрь 1930 г.) и у шаха Ирана (конец 1932 г.), «у двух восточных монархов» [Lyons 1938: 538]. Лайонс — блестящий аналитик: он первым определил советскую систему как «тоталитарную», первым, задолго до Авторханова, Джиласа и Восленского, описал изнутри процесс становления советской номенклатуры, используя понятие «партийные бюрократы», и описал советское государство как противоположность классического социализма, как бюрократическую суперкорпорацию, члены которой являются безграмотными, бездушными садистами. Насильственными методами они присвоили себе страну, уничтожили саму мысль об оппозиции, превратили выборы в фарс, а население — в заложников, в крепостных, в рабов, все время прикрываясь самой циничной демагогией построения «рабоче-крестьянского государства».

Одна из сквозных тем «Командировки в утопию» — неприятие западных восторгов по поводу Советской России. Популярные тревелогисты для Лайонса — не более чем «туристское бульканье» [Lyons 1938: 212]; он подчеркивает неловкость и даже стыд, который испытывает за иностранцев, посещающих СССР по линии «Интуриста». Ему нередко доводилось переводить для этих визитеров во время их общения с русскими на улицах, и он подмечает, как бестактно и грубо они ковыряются в открытых ранах народа: «Если бы эти туристы проявили сочувствие и скромность перед лицом бедствий нации! Их бьющий через край энтузиазм казался мне оскорблением страданий русских... Они относились к увиденному как к спектаклю, разыгранному для их назидания. ...Они раздавали свою старую одежду гидам и другим избранным аборигенам, а с собой увозили статистику промышленного производства. Как удобно совмещать развлечения путешествия с позой исследователя социума! Почти никто из них не понимал, что участвует в пикнике на кладбище» [Lyons 1938: 228]. По сходной цене интуристовского тура иностранцы получают в России «все, что угодно, от нудистского пляжа до дамбы ценой в миллиарды долларов, от свободной любви до концлагеря. Новейшую социальную религию, с момента депрессии самую модную в лучшем обществе — одной инъекцией. В высшей степени соблазнительный допуск в коридоры «Интуриста», ВОКСа, НКВДа; личное знакомство с комиссарами и для особых клиентов — интимные приемы во дворцах бывших негодяев. И главное, все приобретали чувство собственного превосходства» [Lyons 1938: 329]. Особое негодование у автора вызывают те заезжие соотечественники левых убеждений, которые в упор отказываются видеть какие бы то ни было пятна на светлом облике СССР и мягко «поправляют» автора: весь этот голод, слухи о концлагерях — «все это так преувеличено...» [Lyons 1938: 229]. Он пишет и о «самодовольной снисходительности» иностранной колонии, которую надежно защищают иностранные паспорта. Мало того, что в России иностранцы, получающие за свою работу в валюте, ведут роскошный, по сравнению с русскими, образ жизни и принимают свои привилегии как должное; им начинает казаться, что они и вправду лучше русских, они испытывают «внутреннее облегчение от того, что Великий Эксперимент проходит в Великой Лаборатории, к счастью, очень далеко от дома, и объект его — русские туземцы, а не разумные западные граждане» [Lyons 1938: 268].

Дар сочувствия самого Лайонса, его интеллектуальная честность, сам его человеческий склад позволили ему проникнуть за фасад советской пропаганды, показать реальную жизнь в СССР.

В «Командировке в утопию» совмещаются черты двух самых популярных жанров тридцатых годов — автобиографии и травелога о России. Во вводной американской части (Книга 1: «Прелюдия к Москве») автобиография несколько схематично показывает детство в Нижнем Ист-Сайде, зародившее в авторе ненависть к буржуазному миру, стремление к справедливости, и его карьеру в американской коммунистической печати вплоть до поста временного директора бюро ТАСС в Нью-Йорке. Зато в основной русской части книги автобиографизм часто доходит до уровня исповедальности. Книга 2: «Аллилуйя!» рассказывает, как в начале 1928 г. Юджин Лайонс с пылким энтузиазмом устремился в пролетарскую Мекку, на «магнит Москвы» [Lyons 1938: 213]. Он застаёт последний год Москвы нэпа, начало первой пятилетки, освещает Шахтинский процесс, процесс Промпартии и ради чистоты образа СССР умалчивает о любом негативе. Пока для него не стоит вопрос «рассказывать или не рассказывать?», и он на отличном счету у советских властей, хотя его американские друзья-коммунисты уже по тону корреспонденций начинают подозревать в нем отступника. Книга 3: «Сомнения» изображает годы 1930–1932, когда «перегибы» раскулачивания, «Съезд победителей», покончивший с ленинской гвардией, травля интеллигенции и первые групповые смертные приговоры дали ему ощутить «варварское, чудовищное, бесчеловечное» [Lyons 1938: 358] в социалистической мечте. В связи с процессом профессора Рязанцева Лайонс позволяет себе пошутить в большой компании: «Кремль взялся решить проблему отсутствия мяса расстрелом 48 профессоров» [Lyons 1938: 358], и с этих пор власти начинают относиться к нему менее благосклонно. После отпуска в США его заставляют неделю ждать визы в Берлине, без объяснения причин, и он понимает, что это мера дисциплинарного воздействия. Однако в профессиональной дилемме «рассказать все как есть или промолчать», он, как и остальные иностранные корреспонденты, выбирает последнее. Книга 4: «Разочарование» показывает годы 1932–1934, когда автор окончательно постигает природу советского строя и начинает планировать отъезд из СССР, где он в последние месяцы становится в сущности персоной нон-грата, из объекта чекистского наблюдения превращается в объект чекистских провокаций. Но он по-прежнему старается не навредить образу Советского Союза,

несмотря на нарастающую внутреннюю потребность сказать правду. Лайонс уезжает из Москвы 30 января 1933 г., зная, что никогда больше не вернется. Книга 5: «Новая преданность» рассказывает об их с Зарой Виткиным поездке по Европе в феврале — апреле 1933 г., что поставило для Лайонса его русский опыт в новую, общемировую перспективу. Встреча с Роменом Ролланом, которого они с Виткиным навестили в Вильнёве, со всей определенностью показала им неспособность старшего поколения гуманистической интеллигенции справиться с проблемой оценки русской революции — Роллан уходит от ответа на любой вопрос, который они задают ему в связи с Россией. По возвращении в США Лайонс начинает поиск нового идеала справедливости с пересмотра своего отношения к американской демократии, которая со всеми своими недостатками теперь для него предпочтительней, чем Россия. Русскому опыту он благодарен за то, что не уподобился своим бывшим друзьям, фанатичным американским коммунистам, сохранил гуманистическую шкалу ценностей. Каждая книга разбита на главы с заголовками, чтобы облегчить читателю ориентацию в объемном, в 658 страниц, повествовании, которое по уровню аналитики высоко поднимается над журналистской продукцией автора, но сохраняет пестроту и непринужденность журналистского подхода — или подхода автора путевой прозы.

Если подходить к «Командировке» как к травелогу, то начать нужно с того, что взгляд путешественника, взгляд извне, в ней взаимодействует со взглядом местного жителя, взглядом изнутри. Кроме того, во временном плане автор совмещает две точки зрения: он воспроизводит свои первые впечатления от Москвы, подробно описывает свою работу, московские будни и поездки по России, и постоянно сопровождает основное повествование комментариями «из будущего», анализом подспудно копившихся впечатлений и чувств, историей его вживания в сталинизм, анализом сталинизма как системы. В тех случаях, когда у Лайонса сохранились копии его корреспонденций, повествование на них опирается, но в книге есть сетования на то, что большая часть его московского архива утрачена. Так что у автора появляется большая свобода от ранних текстов, он полагается на память, усиливает личную эмоциональную сторону повествования. Лайонс воспроизводит ходившие по Москве анекдоты и политические остроты, цитирует Маяковского, Горького, пересказывает пьесы советских драматургов, рассказ Чехова, дает оценки советскому кинематографу, театру, РАППу, «Литературной газете» периода С. Динамова. Книга

полна подробностей, не входивших в корреспонденции и интервью Лайонса, об освещавшихся им политико-экономических новостях, портретами деятелей советской культуры, историями его русских знакомых, в том числе и особенно — историями простых людей, которые тщетно пытаются вести себя так, чтобы ускользнуть от внимания ГПУ, людей, прошедших «парилку» и «конвейер», вернувшихся из лагерей.

Лайонс затрагивает такие стороны сталинизма, которые почти не попали в поле зрения историков. Он рассказывает истории американских специалистов русского происхождения, которых советское правительство задерживает в СССР после истечения контракта под предлогом того, что в силу места рождения они советские граждане. Его участие в судьбе соотечественников возросло после начала Депрессии, когда в Москве появились американцы, потерявшие работу на родине, услышавшие об искоренении безработицы в России и на последние деньги купившие билет в Россию, где они наивно надеялись найти работу. Когда количество бесприютных американцев, застрявших в Москве, начало доставлять неудобства, в страну стали допускать только тех иностранцев, кто предъявлял обратный билет. Лайонс рассказывает о том, как после разрешения покупки загранпаспортов для советских граждан за 500–1000 червонцев платившие эти суммы на Западе родственники, надеявшиеся вызволить своих близких, становились жертвами обмана, а семьи так и оставались в СССР, да еще подвергались репрессиям. Или истории рядовых совслужащих, которые вдруг в гостях в подпитии начинают обмениваться воспоминаниями о том, кого и как они пытали и убивали в чека в годы гражданской войны. Или вот его знакомый, рыдая, потому что нарушает подписку о неразглашении, но держать в себе он это больше не может, рассказывает автору о пытках в ОГПУ, куда попал по подозрению в хранении валюты. Вот в деревне на шоссе Ленинград — Москва, где никогда не видели легкового автомобиля, пока Борис Пильняк по очереди катает крестьян в своем новеньком американском «шевроле», американца отводит в сторону крестьянский паренек и шепчет ему, чтобы он не верил ничему из услышанного, потому что все кругом кулаки. «Как кулаки?» — изумляется автор. «Да, это все бедняки и они в колхозе, — соглашается подросток, — но внутри они все до одного кулаки» [Lyons 1938: 442], и когда он вырастет, станет рабочим в городе и вернется сюда, он их всех пустит в расход. Такого рода эпизоды, ускользающие от внимания профессиональных историков, становятся ключом к пониманию глубоко травмированной советской психики. Сталинская

система ужасна не только террором, но этим моральным унижением, расчеловечиванием всех и вся.

Большое впечатление производит тот факт, что из своих русских друзей и знакомых автор называет по именам только тех, кто уже арестован или расстрелян к 1937 г., о чем даются соответствующие примечания, а прочие, в чьей судьбе он не уверен, остаются безымянными, в том числе точно опознаваемый несколько раз А.Н. Гарри. Это действие урока, который Лайонс первым получил в России и который ему был особенно горек: общение с иностранцем автоматически влечет неприятности для советского гражданина. Многие русские при знакомстве с ним проявляют неподдельное дружелюбие, назначают скорую новую встречу, с тем чтобы навсегда исчезнуть или, случайно столкнувшись с ним годы спустя, сделать вид, что они незнакомы. Автор быстро понимает, что все боятся обвинения в контактах с иностранцем, тем более с корреспондентом буржуазной прессы — даже обитатели коминтерновской гостиницы «Люкс», среди интернационала которой есть и американцы. Они тоже боятся скомпрометировать себя общением с Лайонсом. Заботясь о безопасности своих знакомых, Лайонсы до переезда в дом Хаммера все меньше принимают гостей, привыкают жить под завистливо-настороженными взглядами, а их маленькая дочка известна среди соседских детей как «буржуйка». Лайонс показывает, что на деле скрывается за лозунгом «пролетарского интернационализма» в СССР: ксенофобия, взаимная подозрительность, слежка и доносы.

Лайонс поначалу видит свою задачу в том, чтобы раскрыть превосходство и величие советского строя западным читателям 1200 газет, подписанных по всему миру на новостную ленту его агентства «Юнайтед Пресс». Верность идеалам молодости, инерция его ранней карьеры советского пропагандиста заставляют его в начале первой пятилетки воспевать «рост дисциплины в целях повышения производительности труда», «энтузиазм масс, которые принимают необходимость затянуть пояса» [Lyons 1938: 207], тогда как человеческая совесть уже ставит вопрос: «Как может группа людей, сколь бы мудрыми и благими они себя ни называли, присвоить себе право распоряжаться жизнью и смертью всех остальных? ...Горстка людей в Кремле у меня на глазах превращала в реальность библейские легенды о гневе божием, брала на себя сверхчеловеческие прерогативы. Без колебаний они обрекали на смерть миллионы, десятки миллионов — на нечеловеческие страдания, в мистическом убеждении в значимости своей миссии (они

называют эту миссию «исторической», не «божественной»)… Пытать и уничтожать миллионы людей ради блага их нерожденного потомства — разве это не сумасшествие?» [Lyons 1938: 202].

1929-й, год «великого перелома», становится переломным и для автора, и он предварительно обозначает этот личный рубеж как осознание того, что в СССР «дегуманизация превратила слова “идеализм”, “сочувствие”, “любовь” в оскорбления» [Lyons 1938: 204]. Положения Лайонса позднее будут подхвачены и развиты множеством авторов; однако он одним из первых формулирует базовые принципы общественного устройства в СССР: «1. Партия превратилась в святыню, а ее переменчивая политика — “линия партии” — приобрела мистическую ценность превыше логики. ...Между коммунистами больше не допускается разница во взглядах: теперь к ней относятся как к ереси. ...Разум уступил место вере¹². 2. Олицетворением этой святыни стал Сталин, вдохновенный оракул и вместилище мудрости. Слово «вождь» стало значить то же, что «дуче» в Италии или позже «фюрер» в Германии. ...В обожествлении Сталина логика диктатуры достигла завершения. 3. В правящей группе окрепло убеждение, что человеческая жизнь как таковая ничего не стоит, это просто сырье истории... Возникла странная гордость умением убивать как можно больше ради некоей цели, и называется она «большевистская беспощадность» или «ленинская твердость». 4. Социальное происхождение, желательное от пролетариев или бедных крестьян, стало меркой ценности личности. ...преследование «классово чуждой» крови стало навязчивой идеей. То же государство, которое хвалится своими яслями и детскими садами, преследует сотни тысяч детей с наследственным «клеймом», отказало им в праве на образование, сослало с родителями в ссылку. 5. Главным орудием общественного прогресса объявлена классовая война, которую искусственно развязывают там, где ею и не пахло. ...Кремль повсюду подпитывает противостояние классов, изобретает несуществующие классовые противоречия и стычки. 6. Иностранцы революционеры и организации, не принявшие диктата Москвы, объявлены «социал-фашистами», еще более опасными, чем капиталисты. Против них начата война, которая ...ослабила трудовое движение и расчистила дорогу фашизму» [Lyons 1938: 204–205]. Все-таки

---

¹² Ранее о коммунизме как новой религии писали Б. Расселл: [Russell 1920], Дж.М. Кейнс: [Keynes 1925], однако у Лайонса этот тезис вырастает на основе прочувствованного личного опыта. Его, коммуниста, шокировали крайние проявления советского безбожия.

коммунист в Лайонсе не смог победить американского идеалиста и индивидуалиста; он дает прекрасный рациональный анализ советской системы, но его лично больше всего угнетает ее тоталитарная сторона. Лайонс использует метафору, позже положенную в основу антитоталитарной «Фермы животных» Оруэлла: «Как тяжело видеть людей, которых гонят, как стадо овец, приговаривая, что гонят на небеса» [Lyons 1938: 259].

Автор вообще склонен обнаруживать в советской жизни метафору, символизм. Лозунг первой пятилетки «Пятилетку в четыре года» вынесен в название главы XV второй части, «Два плюс два равняется пять»: «Формула $2+2=5$ сразу приковала мое внимание. Мне она казалась смелой и нелепой одновременно — дерзость, парадоксальность, трагический абсурд советского эксперимента, его мистическая сторона с вызовом логике наглядно воплотились в этой вызывающей арифметике. $2+2=5$: выведенная электрическими лампочками на московских фасадах, гигантскими цифрами на плакатах, формула демонстрировала заложенную в плане ошибку, преувеличение, показной оптимизм; нечто по-детски капризное, будоражащее воображение. $2+2=5$: лозунг, выросший из слишком быстрого успеха, несущий в себе соскальзывание в ужас, и обреченный превратиться в неловкое $2+2^{1/4}=5$ » [Lyons 1938: 240]. Именно на эту главу из Лайонса обращает особое внимание Оруэлл в своей рецензии на «Командировку в утопию» [Orwell 1970: 368–371] и сам использует эту формулу, безотносительно к пятилеткам, в кульминационной сцене романа «1984».

В основе книги Лайонса — осмысление сталинизма как реакционного отката русской революции, как истребления революционного духа, анализ расхождения между официальной риторикой и практикой сталинизма, механизмов страха, насилия и пропаганды, на которые он опирается. Лайонс пишет о ненависти системы к интеллигенции, о вечном поиске врагов, о кампаниях травли, «тревожных чемоданчиках» и бедных дворниках, которым несколько раз за ночь приходится просыпаться и открывать ворота для чекистских «воронков», дает портреты Вышинского, Крыленко и Ульбрихта как лиц советского правосудия. Хрусталь и лепные фризы Колонного и Октябрьского залов Дома Союзов, пространства показательных процессов, вызывают в нем ощущение нереальности, уродливости разворачивающихся здесь постановок. День за днем присутствуя на заседаниях процессов, он даже начинает ценить профессиональное мастерство артистов заплечных дел в создании иллюзии правоты обвинения. Он живописует

войну большевиков с крестьянством, в которой крестьянство обескровлено, от реквизиций, репрессий и голода впадает в апатию, летаргию, сдается смерти. В отличие от большинства писавших в тот момент на тему коллективизации на Западе, Лайонс не приписывает крестьянству «мелкобуржуазных» или «вредительских» настроений, а целиком обвиняет в трагедии жестокость власти. Тема становления культа личности Сталина в книге заслуживает отдельного рассмотрения, поэтому только укажем на ее значимость. Поскольку советский строй насковзь идеологизирован и в этом плане гомогенен, мониторинг любой сферы жизни позволяет автору судить об общем процессе. В книге биение политического пульса страны совпадает с картинами повседневной жизни. Автор фиксирует ухудшение продовольственного и товарного снабжения по мере сворачивания нэпа, разницу в рационе простого и привилегированного человека, необходимость и доступность прислуги для стояния в очередях, динамику беспризорности и проституции, судьбы «лишенцев», устройство Ермаковской ночлежки в Москве, кровожадные способы удовлетворения «валютного голода», отказ от аскетизма партии и т. д.

В «Командировке в утопию» есть и характерный для травелога описательный элемент физического пространства — в авторских объяснениях в любви к Москве, которая навсегда осталась для него самым любимым городом. Москва открылась ему не в туристский летний сезон, а со всем своим зимним очарованием коротких тусклых дней, длинных студеной ночей, в свой «русскости». В описаниях столицы проявляется человек с преобладанием слуховой памяти. Москва Лайонса — это смесь звуков церковных колоколов (он отмечает момент, когда их сняли для переплавки), солдатских песен, когда красноармейцы маршируют в баню под его окнами на Чистопрудном бульваре, криков «Старье берем» во дворах, вороньего грая в небесах, натужной веселости фокстрота «Аллилуйя» и очень личного для него, связанного с его нью-йоркской школой, «Интернационала». Но смысл этого повествования не в русской экзотике; наоборот, автор пишет, что хотя каждый раз, когда он возвращался в Москву после недолгого отсутствия, город удивлял его темпом перемен, со временем, особенно когда стал понимать русскую речь, он начал смотреть на город, на его топографию и социальный пейзаж, глазами русского [Lyons 1938: 219]. Лирические пассажи раскрывают идеалистическую сторону образа автора и, чередуясь с комическими эпизодами, создают свойственную путевой прозе атмосферу непринужденности.

Следующая книга Лайонса оказалась для Америки не менее важной. «Красное десятилетие. Проникновение сталинизма в Америку» [Lyons 1941] — не только источник самого популярного культурологического ярлыка для тридцатых годов — «красное десятилетие», но и всегда актуальное предостережение от безоглядной поддержки новейших идеологических поветрий, предостережение от позы морального превосходства, от следования за утопией ценой независимой мысли, от исторической безграмотности для новых поколений. «Красное десятилетие» прямо вырастает из «Командировки в утопию».

Отметим еще две книги о России, авторы которых, так же как инкоры, знали Россию изнутри. Эти книги не назовешь травелогами в строгом смысле слова, потому что они основаны на реальных историях любви. Американский инженер из Калифорнии Зара Виткин (1900–1940) влюбился в советскую киноактрису Эмму Цесарскую (1909–1990) заочно, увидев фильм с ней на голливудском просмотре советского кино. Любовь совместилась с его левыми убеждениями, и талантливый, очень успешный в США инженер-строитель приехал в Россию, чтобы найти Эмму. Здесь он работал в нескольких советских трестах и познал все прелести советской бюрократии, которая так и не дала применить в СССР его технологии крупноблочного строительства. Виткин познакомился и со всеми прелестями советского быта. Он стал частью американской колонии в Москве и через знакомую Лайонсов встретился с Эммой. Их роман оказался недолгим. Когда Эмма исчезла с его горизонта, Виткин обвинял ГПУ в отказе выпустить в Голливуд звезду советского экрана. Правда, которую он так и не узнал, была, по словам самой Цесарской, банальней — она встретила другого. Брак с высокопоставленным чекистом Максом Соколянским, расстрелянным в 1937 г., сломал ее карьеру и личную жизнь; Виткин по возвращении в США также был неудачно женат и рано умер. Копия рукописи «Американского инженера в сталинской России» [Witkin 1991], книги пронзительной и горькой, чудом сохранилась в архиве Лайонса и была опубликована полвека спустя после ее создания.

Такое же крушение любви лежит в основе книги Фреды Атли (1898–1978) «Потерянная мечта» [Utley 1940]. Английская коммунистка, по профессии специалист по экономике текстильного производства, ученица Б. Расселла и Ч.М. Ллойда, в России Атли работала в Промэкспорте, в комиссариате легкой промышленности, в Академии наук в группе профессора Варги и одновременно жила жизнью советской жены и матери, конечно, более привилегированной, чем жизнь

простой русской женщины. Атли была замужем за начальником отдела финансов Союзпромэкспорта А. Бердичевским, с которым познакомилась в Лондоне. Бердичевский, получивший образование в Цюрихе и живший в 1914–1920 гг. в США, увидел в СССР возможность применить себя на пользу родине. Фреда последовала за ним в Москву в 1928 г. Здесь прошли 9 самых счастливых лет ее жизни, здесь родился ее сын, и здесь в апреле 1936 г. разразилась ее личная катастрофа. Арест мужа, уловки по вывозу сына к матери в Лондон, возвращение в Москву и тщетные взывания к высокопоставленным друзьям о помощи, бесконечные стояния в очередях на Лубянке понемногу убивали ее. Бывшая с момента ареста воплощением английской сдержанности и стойкости, она впервые дает волю слезам, когда получает из тюрьмы белье мужа для стирки. Фреде все еще кажется, что она сможет вызволить своего Аркадия, и она улетает в Англию, где должна была выйти ее очередная книга по экономике и, как она надеялась, ее имя станет настолько известным, что ОГПУ вынуждено будет отпустить мужа. Но ей больше никогда не дали визу в Россию. Последнюю открытку от мужа она получила в 1937 г., так и не узнав, что Аркадий в марте 1938-го был расстрелян в Ухталлаге за организацию в лагере протестной голодовки заключенных — это узнал из архивов КГБ уже в 1990-е гг. их сын¹³. Фреда рассказывает о развернутой ею в 1938 г. общественной кампании — о письмах за подписями Уэббов и Шоу, Б. Расселла и Г. Ласки, об усилиях Форин-офиса, которые предпринимались по освобождению Бердичевского. Главы о частной жизни, самые интересные в книге, составляют примерно треть ее объема, двигают основной сюжет. Остальное — это довольно необычный взгляд изнутри на советскую экономику с анализом причин ее неэффективности, описание сути деятельности и отношений внутри трудовых коллективов, где работала Атли. Относительно сталинизма она прозревает раньше, чем Лайонс, и в силу профессии, и в силу того, что не принадлежит к узкому кругу иностранцев, с которыми заигрывает власть. Ее анализ системы литературно менее эффектен, чем живая, местами афористическая проза Лайонса, но столь же убедителен. Так как она мыслит в традиции английского эмпиризма, она пишет, забо-

---

¹³ Jon B. Utley “Vorkuta to Perm: Russia’s Concentration-Camp Museums and My Father’s Story”, FEE: Foundation for Economic Education (website), July 1, 2005, <https://fee.org/articles/vorkuta-to-perm-russias-concentration-camp-museums-and-my-fathers-story#axzz2oGejz2Jk>.

тятся только о точной передаче своего опыта, и в этой искренности сила воздействия «Потерянной мечты».

Сюжетная целостность и элемент высокого лиризма, трагедии в книгах Виткина и Атли, содержащаяся в них самая непримиримая — в сравнении с прочими рассматриваемыми текстами — критика сталинизма, а также их особая публикационная судьба ставят их на отдельное место в потоке литературы о России тридцатых годов.

Столь же нехарактерна книга англичанки Э.М. Делафилд «Солома без кирпичей» (1937). Она представляет взгляд на СССР наименее ангажированный из всех, писавших о России в тридцатые годы; писательницы, далекой от идеологических битв.

Э.М. Делафилд — литературный псевдоним Эдме Элизабет Монники Дэшвуд (1890–1943), протофеминистки, автора серии комических бестселлеров, которые по сей день в печати; начало серии положил роман «Провинциальная леди» (1930). Ее стиль характеризуется как смесь Джейн Остен и журнала «Панч», она нашла прочное место по крайней мере в феминистском литературном каноне XX в. Ее высшее достижение — серия из четырех романов о «провинциальной леди». Хотя первое американское издание «Соломы без кирпичей» имело подзаголовок «Провинциальная леди в России»¹⁴, книга не рассматривается как часть серии, существует в критическом восприятии автономно. Книга разительно отличается от разобранных выше травелогов прежде всего замыслом: в конце осени 1935 г. американский издатель во время обеда в лондонском ресторане предлагает Делафилд написать смешную книжку о русском колхозе. Ее первая реакция — отказ, «я не могу написать смешно о России» [Delafield 1937: 1]. Она не поясняет эту мысль, но очевидно, что в отличие от издателя, ей не кажется смешным то, что она на тот момент знает о России. Но финансовые соображения, как она честно признается, перевешивают, и она выторговывает у издателя уменьшение срока предполагаемой поездки с 6 до 4 месяцев, учит русский алфавит, что-то читает о революции 1917 г. и покупает в «Интуристе» самый дешевый поездный тур по европейской части СССР с открытыми датами.

В начале мая 1936 г. на советском пароходе «Ян Рудзутак» Делафилд отплывает в Ленинград, потом в Москве пытается воспользоваться рекомендательными письмами, которыми ее снабдил издатель,

---

¹⁴ *I Visit the Soviets: The Provincial Lady Looks at Russia* (New York: Harper, 1937).

чтобы попасть в какой-нибудь колхоз, но советскую бюрократию она одолеть не может. Только личные связи помогли ей оказаться через два месяца в коммуне «Сиэтл» близ Ростова, где она проводит несколько недель. Разболевшийся зуб заставляет ее покинуть коммуну раньше намеченного срока, и через Ростов — Одессу она отплывает в конце августа в Стамбул на борту того же парохода. Наслушавшись историй о том, как советская таможня конфискует у иностранцев фото пленки и любые письменные материалы, она прячет под одеждой все сделанные ею в России карандашные записи и благополучно привозит наброски книги домой. Работая привычно быстро, Делафилд закончила книгу к концу 1936 г.

Серийную публикацию книги одновременно начали в январе 1937 г. английский журнал *Time and Tide* и американский *Harpers*. Были напечатаны главы о Ленинграде и Москве, но потоки писем возмущенных читателей, сторонников Советской России, вынудили оба журнала в марте прервать публикацию. Это была неприятность, но не скандал; книга вышла несколько позже в том же 1937 г.

Книга состоит из четырнадцати очерков-эссе, объемом около 10 страниц каждый, которые могут читаться автономно. Их последовательность приблизительно воспроизводит маршрут путешествия автора; они связаны между собой сквозными элементами мотивной структуры, системой литературных аллюзий, нарастающей определенностью авторской позиции. Чисто развлекательные диалогические зарисовки, создающие юмористические и сатирические портреты спутников — американцев, французов, немцев, шведов и в особенности соотечественников-англичан — чередуются с более серьезными очерками-эссе, в которых юмор представлен в основном самоиронией автора. Из этого обычного для жанра путешествий рыхлого единства объемом — 60 страниц — и относительной композиционной автономностью выбивается первый очерк — «Коммуна».

Первый очерк о коммуне «Сиэтл», очевидно, был «гвоздем» книги: Делафилд не просто выполнила задание издателя, но, насколько нам известно, была, кроме Хиндуса, единственным западным визитером, который не просто переночевал в образцово-показательном колхозе, но достаточно долгое время провел в сельской местности. По тексту очерка не похоже, что она отдавала себе отчет в необычности места, в котором оказалась благодаря цепочке американских знакомых. Это было последнее место в СССР, где в 1936 г. продолжали держать курс на утопию, где реально воплощались идеалы социалистического

равенства и братства, — единственная уцелевшая с 1922 г. коммуна, основанная в России репатриантами с Запада. Коммуну создали финны, вернувшиеся из Сиэттла. В ответ на призыв советского правительства в 1921 г. о помощи в возрождении сельского хозяйства, они распродали в Америке все имущество, внесли по 500 долларов с семьи в общий капитал, закупили тракторы, автомобили, станки, посадочный материал и отправили его морем. А сами осенью 1922 г. прибыли на выделенный им участок земли в целинных Сальских степях¹⁵. Делафилд не рассуждает о разнице в степени обобществления хозяйства в колхозе и в коммуне, не пишет в том, почему с началом коллективизации в стране начались гонения на сельскохозяйственные коммуны, никак не комментирует трудовую этику коммунаров, а просто создает фактографический отчет о своем пребывании в коммуне.

В 1936 г. свыше 700 человек в поселке продолжают жить отрезанной от внешнего мира общиной, в которой нет личной собственности, денежного обращения, нет пьяниц и тунеядцев (за плохую работу людей вывозят из коммуны). Зато за 14 лет усилиями коммунаров среди голой степи появились пять ферм из кирпича и жилые дома-мазанки, собственная электростанция, пекарня, столовая, кирпичный завод, столярный цех, механические мастерские, школа и фельдшерский пункт, клуб, лесополосы, распаханное поля, сады и виноградники, конный завод и т. д. Это единственный раз в книге, когда повествование включает статистические данные, впрочем, совершенно необременительные по сравнению с другими травелогами. Четыре раза в год собирается общее собрание коммунаров; повседневное руководство осуществляют коммунары первого призыва, с которыми автор общается по-английски. Все к ней очень приветливы и добры, на прощанье устраивают целый концерт художественной самодеятельности, и она это ценит. Вопреки

---

¹⁵ Остальные подобного рода коммуны распались к концу двадцатых годов, а коммуна «Сеятель», как ее стали называть по-русски, процветала даже после того, как понесла потери среди руководства в 1937–1938 гг., после того, как ее преобразовали в 1939-м в колхоз имени Сталина, а после войны — имени XXII партсъезда.

Историю коммуны см.: Коммуна «Сеятель» и лесополосы из Америки // Меотида и окрестности: история, культура, природа Нижнего Дона и Приазовья: [сайт]. URL: <https://meotyda.ru/node/1159> (дата обращения: 12.04.2021); Seth Bernstein, and Robert Cherny, “Searching for the Soviet Dream: Prosperity and Disillusionment on the Soviet Seattle Agricultural Commune, 1922–1927,” *Agricultural History* 88, no. 1 (2014): 22–44. Свидетельство Делафилд прошло мимо внимания историков.

ее ожиданиям, она живет в отдельной комнате и, щедро посыпая ее порошком от насекомых, избегает блох и тараканов, которые в России сопутствовали ей повсюду. Примитивную уборную на улице и черную баню она описывает без оценок, но детально. Мясо в столовой, где трижды в день питается вся коммуна, для нее несъедобно, ячменный кофе и чай в жестяном чайнике одинаковы на вкус, зато свежий черный хлеб, против которого ее предостерегали, прекрасен. Вынужденная молочно-яичная диета не имеет никаких последствий для ее здоровья, напротив, повествование не раз подчеркивает, как бодро она себя чувствует. Но тратить свою энергию ей решительно не на что. Ей не поручают никакого дела, и после первых дней экскурсий по огромному хозяйству она или сидит в фельдшерском пункте, мысленно посмеиваясь над его хозяйкой, у которой от всех болезней одно лекарство — укол какой-то самодельной жидкостью, или пытается помогать то в детском саду, то в пекарне. Делафилд застала последний идиллический год в жизни «Сеятеля».

Делафилд не пытается психологизировать своих персонажей или драматизировать повествование, деликатность запрещает ей вставать в позу превосходства над собеседником и тем более над читателем. Она прямо формулирует свои мнения позже, когда повествование уже фактически обосновало, подготовило эти мнения. Этот очерк фиксирует невообразимую для западного читателя скудость жизни в коммуне, воспринимаемую коммунарами как норма, их гордость своим изматывающим трудом, отсутствие понятия приватности. Никому в голову не приходит на что-то пожаловаться «товарищу Дэшвуд». Для Делафилд нет обобщенного «коммунара», у нее полностью индивидуальный подход к персонажам. В «Сиэтле» живут такие же люди, как везде, и именно с ними, финнами, латышами, имевшими свой горький западный опыт, с казаками и русскими, — о чем автор говорит для верности картины, но не акцентирует этническую принадлежность — Делафилд ближе всего сошлась за время своей поездки. В первом очерке есть какая-то особая атмосфера торжественной возвышенности; далеко от цивилизации, в степных просторах, люди понемногу преобразуют природу, трудятся по совести, живут по законам примитивной демократии. Тот исключительный для сталинской России «колхоз», где очутилась Делафилд, не дает автору ни одного повода проявить свой комический дар.

Авторское отношение к материалу определенной проявляется в последующих очерках, начиная со второго по порядку книги, «Новая

миссис Троллоп». Он описывает плавание до Ленинграда и первые впечатления от города туристки с путевкой третьего разряда: контраст между рекламными брошюрами «Интуриста» и реальностью, трагическое обветшание прекрасного города, номер на двоих, что равно шокирует ее и ее соседку, питание в ресторане по талонам (ей неизменно нравится первое, а вот второе и обязательный компот она пропускает), отсутствие машин в городском пейзаже, серая толпа на улицах. Делафилд, знаток викторианской литературы, постоянно сравнивает свои трудности с трудностями Фанни Троллоп во время ее путешествия в Америку в 1830-х гг. и черпает стойкость в этом сравнении. Она еще в Англии решила, что Россия даст ей возможность проверить, может ли она обходиться без комфорта цивилизации. Да, может, но действительность оказалась еще хуже ее ожиданий. Автор не может не отметить низкий уровень гигиены, обслуживания в учреждениях и ресторанах, примитивность устройства больниц и детских садов, от посещения которых нельзя уклониться, отсутствие белья и вагонов-ресторанов в поездах. Ей особенно жаль времени — каждый прием пищи непомерно растягивается, ни одна экскурсия не начинается вовремя, поезда отходят и прибывают, как будто расписания движения не существует. Она старается задавать хозяевам уместные, осмысленные вопросы и не кривит душой, выказывая несуществующий восторг. Несколько раз она дает смешные эпизоды мастерского отфутболивания иностранцев советской бюрократией. Автор с самоиронией показывает, как Товарищи (собирательное имя для советских людей, Comrades, — в книге почти нет имен собственных), особенно молодое поколение, которое воспитано после революции, с удовольствием поучают «отсталых» иностранных туристов. Книга содержит галерею сатирических зарисовок гидов-переводчиц «Интуриста», самоуверенных некомпетентных женщин, чья задача, как быстро понимает автор, — не допустить контактов подопечных с советскими людьми и притушить их недовольство уровнем сервиса. Переводчицы, не бывавшие за пределами своей родины, твердят о превосходстве СССР над остальным миром. Параллельно даются эпизоды, в которых советские гражданки тайком, не торгуясь, готовы купить все содержимое чемодана Делафилд. «Интурист» предупреждает своих гостей, что в СССР нет чаевых, тогда как на деле маленькая сумма официанту обеспечивает в ресторане свежие тосты и горячий чай, в отличие от черствого хлеба, который подают членам группы, поверившим «Интуристу». В Александровском дворце в Царском Селе Делафилд отстает от группы и медлит в спальне

последней царицы, размышляя о трагической судьбе Романовых, и безмолвно понявшая ее смотрительница снимает с прикроватного столика и протягивает ей фото царевича в английской матроске. Даже закаленные переводчицы «Интуриста», бесконечно твердящие: «искоренены безработица и проституция, равноправие женщин, свобода аборт, декретный отпуск, стахановцы», в пылу личной ссоры кричат обидчице: «проститутка!», подтверждая тем самым свое знакомство с «искорененным» явлением. Делафилд ловит, но не акцентирует специально моменты, когда через непробиваемую маску советскости в людях проступает что-то человеческое.

Ее вердикт оформляется к середине книги, в очерке «Москва разоблаченная» (“Moscou Dévoilé”). Перенаселенная, перекореженная новым строительством Москва производит на автора депрессивное впечатление «отчасти из-за толп Товарищей на улицах, в трамваях, в очередях у магазинов и кинотеатров, и все они плохо умыты, плохо одеты, очень суровы. Через окна без штор видны комнаты общежитий, в которых кровати набиты, как сардины в банке. И вряд ли можно приветствовать разрушения такого масштаба, какой избрали Советы в своей решимости отстроить Москву заново. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что за очень короткое время было многое достигнуто. Не сомневаюсь, что до революции положение рабочих было ужасным. Верю, что они работают на создание жизни лучшей, чем та, что у них была. Но есть у меня буржуазная тоска по нарядным витринам — а может, и по нарядно одетым прохожим; я бы хотела видеть побольше индивидуализма, поменьше коллективизма — короче говоря, в Москве вообще нет веселья» [Delafield 1937: 134–136]. Недостаток в стране средств, технологий, недостаток опыта — реальные трудности, но почему же «они создают себе еще больше трудностей решительным отказом обращать внимание на критику и уверенностью, что они уже достигли совершенства — что далеко от истины» [Delafield 1937: 136]. Ее мысли, как всегда в повествовании, лучше всего передает литературная аллюзия. Она вспоминает доктора Джонсона: «Когда собака ходит на задних ногах, мы не задаемся вопросом, хорошо или плохо у нее получается. Чудо, что она вообще это делает» [Delafield 1937: 136–137].

Во второй половине книги, в ростовских и одесских очерках, степень аналитичности повышается. Здесь упоминаются необъяснимое отсутствие писем из дому, случаи исчезновения людей в концлагерях, чисто политические преследования. Негодование иностранцев

от сервиса «Интуриста» приводит их к мысли о том, что от них что-то скрывают, им нагло лгут в глаза, и в конце концов один из ее временных попутчиков заявляет: «чего в России нет, так это свободы» [Delafield 1937: 260]. Последний очерк «Высказать мнение» представляет собой диалог автора с разными собеседниками, русскими и иностранцами. С каждым она пытается поговорить о России, проверить сложившееся у нее мнение о тоталитарном характере советского строя, но каждый из собеседников с разными аргументами отказывает ей в праве иметь такое мнение.

Выражением этого мнения и стала книга в целом, и в частности ее выразительное заглавие. Идиоматическое выражение «bricks without straw», кирпичи без соломы, означает: «работать, не имея нужного материала, затевать безнадежное дело»¹⁶. Идиома отсылает к попытке фараона отвратить народ от Моисея, когда фараон повелевает израильтянам поставлять ему кирпич в обычном количестве, но при этом прекращает выдавать солому, необходимую для производства кирпичей. Замысел смешной книги о России в процессе реализации с неизбежностью утратил комический характер. Далекая от политики Э.М. Делафилд написала книгу, в которой комическое является производным от базовых отличий между западной и русской культурами, ограничено уровнем характерологии и авторской (само)иронии, а собственно репортажные фрагменты окрашены в сатирически-мрачные тона и приводят к оценке советского эксперимента как «безнадежного дела».

Так в руках хорошего деполитизированного писателя интуристовский тур превратился из затрепанной комплиментарной банальности в неожиданный, нериторический, и оттого особенно убедительный приговор советской системе.

Абсолютное большинство англоязычных «русских травелогов» тридцатых годов бесследно канули в лету литературного забвения, остались памятником эпохи потрясений Великой депрессии и человеческой потребности в вере, которая иногда обращается на самые неподходящие объекты. Но след от них остался в литературе в дистопиях Оруэлла, в «Современной Европе Скотта-Кинга» Ивлина Во, в общем уроке критического отношения к утопиям, которые имеют тенденцию оборачиваться на практике ужасами тоталитаризма. В восприятии

¹⁶ Библия, Исход 5:6–19.

англоязычного Запада на протяжении предвоенного десятилетия сталинская Россия, как показывает история путевой прозы, прошла путь от мифа о могучем справедливом государстве всеобщего счастья до материализовавшегося на земле ада, перед которым бледнеют картины Данте. Это был болезненный и необходимый урок недоверия самой виртуозной и тотальной пропаганде, урок необходимости опоры на факты, сочувствия к попавшему в историческую ловушку народу. Лучшие травелоги периода отображали индивидуальные варианты и динамику той эволюции, которую претерпело отношение западной интеллигенции к Советскому Союзу в 1930-е годы.

ЛИТЕРАТУРА

Багдасарян, Орлов 2007 — *Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. и др.* Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы: уч. пособие. М.: Форум, 2007. 256 с.

Березовая 2016 — *Березовая Л.Г.* «Интурист»: у истоков иностранного туризма в СССР // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2016. Т. 10, № 4. С. 10–19.

Киянская, Фельдман 2017 — *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Из истории журналистики конца 1920-х — начала 1930-х гг.: показания А.Н. Гарри // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2017. № 7 (28). С. 18–35.

Орлов, Попов 2018 — *Орлов И.Б., Попов А.Д.* Сквозь железный занавес. See USSR! Иностранцы туристы и призрак потемкинских деревень. М.: Изд. дом Выssh. школы экономики, 2018. 496 с.

REFERENCES

Allen 2003 — Allen, Robert C. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

Bagdasarian, Orlov 2007 — Bagdasarian Vardan E., Igor' B. Orlov et al. *Sovetskoe zazerkal'e. Inostrannyi turizm v SSSR v 1930–1980-e gody: ucheboje posobie* [*Behind the Soviet Looking Glass: Foreign Tourism in the USSR 1930–1980s: textbook*]. Moscow: Forum Publ., 2007. (In Russ.)

Berezovaia 2016 — Berezovaia, Lidia G. “‘Inturist’: u istokov inostrannogo turizma v SSSR” [“‘Intourist’: at the Origins of Foreign Tourism in the USSR”]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [*Service and Tourism: Current Challenges*] 10, no. 4 (2016): 10–19. (In Russ.)

Chamberlin 1934 — Chamberlin, William H. *Russia's Iron Age*. Boston: Little, Brown, 1934.

Chamberlin 1937 — Chamberlin, William H. *Collectivism: A False Utopia*. New York: Macmillan, 1937.

Chefras 2013 — Chefras, Teresa. “Reporting Stalin’s Famine: Jones and Muggers: A Case Study in Forgetting and Rediscovery.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 14, no. 4 (Fall 2013): 775–804.

Coates, Coates 1936 — Coates, William P., and Zelda K. Coates. *Scenes from Soviet Life*. New York: International Publishers, 1936.

Cowles 1941 — Cowles, Virginia. *Looking for Trouble*. New York: Harper & Brothers, 1941.

Delafield 1937 — Delafield, E.M. *Straw Without Bricks: I Visit Soviet Russia*. London: Macmillan, 1937.

Engerman 2003 — Engerman, Davis C. *Modernization From the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development*. Cambridge: Harvard University Press, 2003.

Grierson 1943 — Grierson, Philip. *Books on Soviet Russia, 1917–1942: A Bibliography and Guide to Reading*. London: Methuen, 1943.

Griffith 1932 — Griffith, Hubert. *Seeing Soviet Russia: An Informative Record of the Cheapest Trip in Europe*. London: John Lane, 1932.

Jarman 1933 — Jarman, Thomas C. *Through Soviet Russia: The Diary of an English Tourist*. London: Houghton, 1933.

Hindus 1933 — Hindus, Maurice. *The Great Offensive*. New York: Harrison Smith and Robert Haas, 1933; London: Victor Gollancz, 1933.

Hunter, Szymer 1992 — Hunter, Holland, and Janusz M. Szymer. *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.

Keynes 1925 — Keynes, John M. *A Short View of Russia*. London: Hogarth, 1925.

Kiianskaia, Fel'dman 2017 — Kiianskaia, Oksana I., and David M. Fel'dman. “Iz istorii zhurnalistiki kontsa 1920-kh — nachala 1930-kh gg.: pokazaniia A.N. Garri” [“Pages from the History of Journalism in the Late 1920s–Early 1930s: A.N. Garry’s Testimony as Suspect”]. *Vestnik RGGU. Serii: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia [Bulletin RSUH. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies]* 28, no. 7 (2017): 19–35. (In Russ.)

Lloyd 1932 — Lloyd, Charles M. *Russian Notes*. London: Hogarth Press, 1932.

Lyall 1933 — Lyall, Archibald. *Russian Roundabout: A Non-Political Pilgrimage*. London: Desmond Harmsworth, 1933.

Lyons 1938 — Lyons, Eugene. *Assignment in Utopia*. London: George G. Harrap, 1938.

Lyons 1941 — Lyons, Eugene. *The Red Decade: The Stalinist Penetration of America*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1941.

Mace 1992 — Mace, James E. “The American Press and the Ukrainian Famine.” In *Genocide Watch*, edited by Helen Fein, 113–134. New Haven: Yale University Press, 1992.

Maybury 1934 — Maybury, Harold. *The Land of “Nichevo!”* Liverpool: Daily Post Printers, 1934.

Monkhouse 1934 — Monkhouse, Allan. *Moscow, 1911–1933*. Boston: Little, Brown, 1934.

Muggeridge 1934 — Muggeridge, Malcolm. *Winter in Moscow*. London: Eyre and Spottiswoode, 1934.

Muggeridge 1973 — Muggeridge, Malcolm. *Chronicles of Wasted Time*. Vol. 1, *The Green Stick*. New York: William Morrow, 1973.

Muldavin 1931 — Muldavin, Albert. *The Red Fog Lifts*. New York: D. Appleton, 1931.

Orlov, Popov 2018 — Orlov Igor' B., and Aleksei D. Popov. *Skvoz' zheleznyi zanaves*. See *USSR! Inostrannye turisty i prizrak potemkinskikh dereven'* [Through the Iron Curtain. See the USSR! Foreign Tourists and Potemkin Villages' Ghosts]. Moscow: HSE University Publ., 2018. (In Russ.)

Orwell 1970 — Orwell, George. *The Collected Essays, Journalism, and Letters of George Orwell*. Vol. 1, *An Age Like This, 1920–1940*, edited by Sonia Orwell and Ian Angus. London: Penguin Books, 1970.

Powell 1980 — Powell, Anthony. *To Keep the Ball Rolling: The Memoirs of Anthony Powell*. Vol. 3, *Faces In My Time*. London, Heinemann, 1980.

Russell 1920 — Russell, Bertrand. *The Practice and Theory of Bolshevism*. London: George Allen and Unwin, 1920.

Skariatina 1933 — Skariatina, Irina. *First to Go Back: An Aristocrat in Soviet Russia*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1933.

Taylor 1990 — Taylor, Sally J. *Stalin's Apologist: Walter Duranty, the New York Times's Man in Moscow*. New York: Oxford University Press, 1990.

Travers 1934 — P.T. [Travers, Pamela L.]. *Moscow Excursion*. London: Gerald Howe, 1934.

Utley 1940 — Utley, Freda. *The Dream We Lost: Soviet Russia Then and Now*. New York: John Day, 1940.

Waters 1935 — Waters, Wallscourt H.-H. *Russia Then and Now*. London: John Murray, 1935.

Winterton 1931 — Winterton, Paul. *A Student in Russia*. Manchester: Cooperative Union, 1931.

Witkin 1991 — Witkin, Zara. *An American Engineer in Stalin's Russia. The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934*. Edited by Michael Gelb. Berkeley: University of California Press, 1991.

© 2021, И.В. Кабанова

© 2021, Irina V. Kabanova

Дата поступления в редакцию: 07.02.2021

Дата одобрения рецензентами: 10.03.2021

Дата публикации: 25.05.2021

Received: 7 Feb. 2021

Approved after reviewing: 10 Mar. 2021

Date of publication: 25 May 2021